

Лингвистическія мелочи.

Русск. фил. Внѣш. П. XXX

1. О происхожденіи древне-русскаго и западно-славянскаго -ѣ, соотвѣтствующаго южно-славянскому е.

Въ древне-русскомъ и западно-славянскихъ языкахъ находимъ, какъ извѣстно, въ соотвѣтствіи церковно-славянскому -а гласный -ѣ (или его рефлексъ) въ окончаніи род. п. ед. ч. и им. и вин. п. множ. ч. основъ на -jā и вин. п. множ. ч. основъ на -jō, см. Лекціи по исторіи русск. языка¹ А. И. Соболевскаго, стр. 152 слл. и Zubatý AfSlPh. XV 493 слл. Объяснялось это -ѣ уже неоднократно, но разсмотрѣвъ всѣ предложенныя объясненія, Ст. М. Кульбакинъ приходитъ къ заключенію, что происхожденіе этого -ѣ остается „загадочнымъ“ (Древне-церковно-славянскій языкъ¹, стр. 163 сл.); поэтому рѣшаюсь предложить новое объясненіе этого окончанія.

Я полагаю, что, наприм., польск. ziemię или чешск. země можетъ быть = лит. gen. s. и nom. pl. žėmės и асс. pl. žemės (= лтш. zemes). Этому сопоставленію до сихъ поръ мѣшало главнымъ образомъ убѣжденіе, будто литовскія существительныя на -ė и соотвѣтствующія имъ латышскія формы на -e утратили -j- между конечнымъ гласнымъ и предшествующимъ ему согласнымъ, сохранившееся передъ веларнымъ гласнымъ въ род. п. множ. ч. (лит. žėmių, лтш. zemju). Trautmann, правда, считаетъ фонетически невозможнымъ возводить, наприм., лит. žėmė къ праиндоевр. *ǵhemiē (Die altpreuss. Sprachdenkm., § 170), и къ нему уже примыкаетъ Lommel (Studien über indogerm. Femininbildung

gen, 70 сл.); но въ своихъ Славяно-балтійскихъ этюдахъ 65² я уже указалъ, что это заключеніе Траутмана неправильно. Лит. žēmē можетъ, но не должно непременно восходить къ *g̃hemjē. Что касается -j- въ род. п. мн. ч. (о которомъ Траутманъ l. с. ничего не говоритъ), то оно допускаетъ двойное объясненіе. Во-первыхъ, возможно думать, что и въ балтійскихъ языкахъ когда-то существовали рядомъ и основы на -jē и основы на -ē, подобно тому какъ въ латинскомъ языкѣ находимъ при формахъ въ родѣ aciēs, faciēs, speciēs и др. также формы въ родѣ fidēs и др., ср. Brugmann Grdr. II² 1, 220 сл. Такъ Бругманъ l. с. 222 считаетъ возможнымъ, что, наприм., тѣ литовскія существительныя на -ē, рядомъ съ которыми находимъ инфинитивы на -ėti (наприм. galē „das Können“ : galėti „können“), представляютъ собою старыя основы на -ē. И въ самомъ дѣлѣ естественно думать, что galē относится къ galėti точно такъ же, какъ относится, напр., лит. gaudā „Wehklage“ къ gaudoti „wehklagen“; а что въ инфинитивахъ типа galėti передъ -ē не было никакого -j-, это намъ показываютъ соответствующіе имъ славянскіе инфинитивы на -ти. А если это такъ, то въ виду полного совпаденія основъ на -ē съ основами на -jē во всѣхъ остальныхъ падежахъ, въ род. п. множ. ч. основы на -ē легко могли перенять окончаніе (прабалт.) -jōn у основъ на -jē, если бы въ индо-европейскомъ праязыкѣ -ē-ōm (въ gen. pl. у основъ на -ē) слилось въ -ōm. Но въ этомъ можно сомнѣваться; не исключена возможность, что -ē-ōm измѣнилось въ -eōm > ēōm, откуда прабалт. -jōn. Итакъ, прихожу къ заключенію, что балтійскія слова на (лит.) -ē, (лтш.) -e по крайней мѣрѣ отчасти могутъ восходить къ старымъ основамъ на -ē (въ родѣ лат. fidēs). Это -ē, можетъ быть, восходить къ болѣе древнему -ēj (см. Brugmann l. с. 220 сл. и Lommel l. с. 71); въ пользу этого говоритъ и восходящая интонація лит. -ē¹).

1) Послѣ этого возникаетъ вопросъ, не сохранилось ли это -ēj въ пр. пом. в. giwei „жизнь“, асс. sg. warein „власть“ и др.; но эти формы допускаютъ и другое толкованіе, см. мои Славяно-балтійскіе этюды 67.

Вернемся теперь къ славянскимъ языкамъ. Зубатый говоритъ AfslPh. XV 501 и 511, что въ славянскомъ совпали основы на -ĭā съ основами на -ĭē. Припомнимъ тутъ, что въ балтійскихъ языкахъ нерѣдко находимъ рядомъ однозначащія основы на -ĭā и на -ē; ср., напр., восточно-лит. *kundžia* (въ словарѣ Ширвида, подъ *mol*): западно-лит. *kandē*, лтш. *kuõde* „моль“, лтш. *eža* : лит. *ežė* „межа“, лтш. *muša*, лит. *musià* (*Anykszcziū szilelys* 155 и др.) : *musė* „муха“, лтш. *ecēsas*, лит. *ekėčios* : пр. *aketes* „борона“ и *Leskien Bildung der Nomina* 264 и 311 сл. Итакъ, позволительно думать, что также въ праславянскомъ когда-то имѣлись рядомъ формы въ родѣ *zemĭa (изъ *zemĭā или *zemĭē) и *zemē (изъ *zemē), *voĭa и *volē, *buĭa и *buĕ, *dyĭa и *dupē и др. Когда послѣ отпаденія конечнаго -s формы род. п. ед. ч. и им. и (образованнаго безъ -n-) вин. п. множ. ч. основъ на -ĭā (-ĭē) и -ē совпали фонетически съ формой имен. п. ед. ч., могло случиться, что однозначащія формы на -'a и -ē подверглись дифференціаціи значенія: формы на -'a стали употребляться въ значеніи им. п. ед. ч., а формы на -ē — въ значеніи род. п. ед. ч. и им. и вин. п. множ. ч. (напр. им. п. ед. ч. *voĭa при род. п. ед. ч. и им. и вин. п. множ. ч. *volē). Послѣ перехода ē въ положеніи послѣ смягченнаго согласнаго въ *a* это -ē могло быть обобщено въ указанныхъ падежахъ, т. е. проникнуть также въ положеніе послѣ смягченнаго согласнаго, такъ что возникли формы въ родѣ др.-р. *землѣ*, *троицѣ*, *душѣ* и др. — Смѣшенію и совпаденію основъ на -ĭā (или -ĭē) и основъ на -ē могло содѣйствовать еще и то обстоятельство, что нѣкоторые падежи основъ на -ĭā (или -ĭē) фонетически совпали съ тѣми же падежами основъ на -ē: въ дат. и мѣстн. п. ед. ч. получилось -i какъ изъ -ĭāi, такъ и изъ -ēi (ср. лит. дат. п. *žėmei*); въ зват. п. ед. ч. и тѣ и другія основы оканчивались на -e (ср. праслав. *duše* при *žepo* и лит. діал. voc. s. на -e при *nom. s.* на -i изъ -ē у Юркшата *Litauische Märchen und Erzählungen* 49 и др.); далѣе вѣроятно твор. п. ед. ч. и тѣхъ и другихъ основъ одинаково оканчивался на -ejq, и, наконецъ, можетъ быть, совпали эти основы также въ образованіи род. п. множ. ч. и им. и вин. п. дв. ч. и род. и мѣстн. п. дв. ч.

Какъ основы на -ā въ индоевропейскихъ языкахъ оканчивались въ вин. п. множ. ч. и на -ās и на -āns, такъ вѣроятно и основы на -ē оканчивались въ этомъ падежѣ и на -ēs (ср. лит. žemės = лтш. zemes) и на -ēns > праслав. -е; благодаря такому колебанію между -ě и -е въ вин. п. множ. ч. основъ на -jā (или -jē) и -ē могло возникнуть -ě рядомъ съ -'е (изъ -jōns) также въ вин. п. множ. ч. основъ на -jō, ср. Zubatý AfslPh. XV 514 сл.

Въ литовскомъ языкѣ мы находимъ въ род. п. ед. ч. и им. п. множ. ч. циркумфлектированное ē (наприм. gen. s. katės, ном. pl. kātės); а изъ циркумфлектированнаго -ē по мнѣнію нѣкоторыхъ языковѣдовъ въ праславянскомъ получилось -i. Если бы это мнѣніе было правильно, то оно затрудняло бы мое объясненіе окончанія -ě въ вышеуказанныхъ падежахъ. Но оно основано исключительно на им. п. ед. ч. на -ti (наприм. црксл. мати, дъшти) и поэтому не можетъ считаться доказаннымъ: во-первыхъ, совершенно неизвѣстно, оканчивались ли эти формы когда-то въ праславянскомъ на -tēr (ср. гр. πατήρ), или же на -tē (ср. лит. duktė), и формы въ родѣ црксл. камы скорѣе говорятъ въ пользу -tēr, а во-вторыхъ, возможно считать мати морфологическимъ новообразованіемъ, возникшимъ вмѣсто стараго *матѣ подѣ влияніемъ словъ женскаго рода на -н (на эту возможность указалъ Соболевскій РФВ. XXII 21 и Древній црк.-слав. яз. 105). Въ старочешскомъ еще и находимъ форму им. п. ед. ч. mātě, ср. объ этомъ мои Слав.-балт. этюды 149.

Въ старочешскомъ имѣются и формы въ родѣ дат. п. мн. ч. zemiem и мѣстн. п. множ. ч. zemiech, ср. Zubatý AfslPh. XV 515. Имѣя въ виду, что въ старочешскомъ сохранились и другіе архаизмы (мѣстн. п. множ. ч. въ родѣ Doljas и др. и формы на -a изъ -ās, см. Zubatý AfslPh. XV 498² и 500), считаю возможнымъ (но только *возможнымъ*), что также старочеш. zemiem, zemiech и др. и им. п. mātě представляютъ собою старыя формы.

2 Болг. пендесет и девендесет, и nd изъ dd.

Соболевскій уже указаль ЖМНП.р. СССХIV 64, что болг. пендесет „50“ и девендесет „90“ получились изъ *педдесет, *деведдесет (съ -дд- изъ -тд-) путемъ перехода -дд- въ -нд-. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые ученые и теперь еще считаютъ эти болгарскія формы за „остатки носовыхъ“ (такъ Ильинскій, Грамоты болгарскихъ царей 64, съ указаніемъ литературы); Ягичъ же склоненъ думать о влияніи греч. πέντε (AfsI Ph. XXXIV 283), но самъ уже указываетъ на возможность возраженія, что въ случаѣ такого влиянія скорѣе всего появилась бы форма *пент или *пенд. Отсутствіе такой формы (какъ и формы *дсвент) и употребленіе формъ пендесет и девендесет въ такихъ говорахъ, въ которыхъ а и ж замѣнены чистыми гласными, мѣшаютъ принимать эти числительныя за „остатки носовыхъ“. Переходъ dd въ nd, который Ягичу 1. с. кажется невѣроятнымъ, является совершенно понятнымъ и встрѣчается также въ другихъ языкахъ. Неудобство, заключающееся въ продолжительности затвора долгаго d (изъ -дд-), устраняется тѣмъ, что въ началѣ этого затвора выдыхаемый воздухъ пропускается въ полость носа. То же самое явленіе находимъ въ лтш. діал. anduōt (въ Пальцмарѣ) „отдать“ изъ atduōt, и въ лит. діал. andotu (въ Слонимѣ; Mitteil. d. lit. liter. Ges. IV 171, гдѣ, повидимому, неправильно написано: antdotu) изъ atduotų, далѣе въ итал. rendere изъ reddere и въ цаконскомъ serindu изъ *θερίνδω = атт. θερίζω (Thumb, Handb. d. griech. Dial. 92). Особенно распространено это явленіе въ семитическихъ языкахъ, см. G. Meyer IF IV 332 сл. и Brockelmann, Grundr. d. vergl. Gramm. d. semit. Spr. I 243 слл.

И. Эндзелинъ.